

70 НА ПОВОРОТАХ судьбы

В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА СЛУЧАЮТСЯ ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ, КОТОРЫЕ ВО МНОГОМ ПРЕДПОРЕДЕЛЯЮТ ЕГО СУДЬБУ. У АЛЕКСАНДРА ГОРШКОВА ТАКИХ БЫЛО НЕСКОЛЬКО. ПЕРВЫЙ, КОГДА, НЕ УВИДЕВ СВОЕЙ ФАМИЛИИ В СПИСКЕ ЗАЧИСЛЕННЫХ В ШКОЛУ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ, ОН ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ВЕРНУЛСЯ НА ЛЕД. ЗАТЕМ, КОГДА, БУДУЧИ ПЕРВОРАЗРЯДНИКОМ, ВСТАЛ В ПАРУ С ТИТУЛОВАННОЙ НА ТОТ МОМЕНТ ЛЮДМИЛОЙ ПАХОМОВОЙ. ВМЕСТЕ ОНИ СТАЛИ ПЕРВЫМИ ОЛИМПИЙСКИМИ ЧЕМПИОНАМИ В ТАНЦАХ НА ЛЬДУ, ШЕСТЬ РАЗ ПОБЕЖДАЛИ НА ЧЕМПИОНАТАХ ЕВРОПЫ И МИРА. ИХ ЛЕГЕНДАРНАЯ «КУМПАРСИТА» ВОШЛА В ИСТОРИЮ ТАНЦЕВ НА ЛЬДУ, ЯВИВШИСЬ ОДНИМ ИЗ ПОВОРОТНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ВИДА. И НЕ ТОЛЬКО ЭТА ПРОГРАММА. С ТРЕНЕРОМ ЕЛЕНОЙ ЧАЙКОВСКОЙ ДУЭТ ПАХОМОВА – ГОРШКОВ СОЗДАЛИ ЦЕЛЫЙ РЯД НЕПОДРАЖАЕМЫХ ОБРАЗОВ. С САМОГО ПЕРВОГО МОМЕНТА, КОГДА, НАДЕВ КОНЬКИ И ВСТАВ НА ЛЕДЯНУЮ ЛУЖУ ПЕРЕД ДОМОМ, И ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, ВСЯ ЖИЗНЬ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЦИИ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ НА КОНЬКАХ РОССИИ, ГЛАВНОГО ТРЕНЕРА СБОРНОЙ СТРАНЫ АЛЕКСАНДРА ГОРШКОВА НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНА С ЭТИМ ВИДОМ СПОРТА.

8 ОКТЯБРЯ ОЛИМПИЙСКОМУ ЧЕМПИОНУ, РУКОВОДИТЕЛЮ ФФКР ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ.

НО В ЭТО ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ ВЕРИТЬ. КАК ГОВОРИТ САМ ЮБИЛАР, ВПЕРЕДИ ЕЩЕ МНОГО ДЕЛ И НАДО ВСЕ УСПЕТЬ, ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

✎ Ольга ЕРМОЛИНА 📷 Юрий ФЕКЛИСТОВ, из архива Александра ГОРШКОВА



*«Вся моя жизнь
связана с делом, которое люблю»*

– Александр Георгиевич, вы любите отмечать свои дни рождения?

– В детстве – да. Это понятно. Все дети любят дни рождения, потому что дарят подарки. В дальнейшем дни рождения уже расценивались как повод, чтобы встретиться с друзьями. Все мы, люди занятые, видимся от случая к случаю, а тут есть возможность пообщаться в кругу близких друзей. Но есть еще одна особенность, о которой нужно упомянуть. Так сложилось, что в нашей семье сразу четверо отмечают в октябре дни рождения – дочь Юля 1 октября, у меня – 8-го, у сына моей супруги Станислава – 15-го, а у самой Ирины – 16-го. Напряженные две недели получаются.

– Самый запоминающийся подарок?

– В нашем детстве был небольшой выбор подарков и игрушек – не то, что сейчас. Когда мне было уже лет 12, папа подарил широкоплеченный фотоаппарат «Любитель», потому что я очень хотел заняться фотографией. Значительно позже мне презентовали 8-миллиметровую камеру с тем расчетом, что пригодится в занятиях фигурным катанием. Я освоил весь процесс от и до. Начали снимать, проявлять пленку... Кстати, камеры у меня потом менялись. По совету Игоря Борисовича Москвина, который также увлекался этим делом, я купил японскую камеру – такую, как у него. Чайковская – наш тренер – снимала тренировки, и в конце недельного цикла, в выходной, я проявлял, а потом мы вместе просматривали, что получилось. Видеомагнитофонов в то время еще не было. Первый видеомагнитофон появился у Олега Протопопова. Мы этого бага не застали. Конечно, видеомагнитофон очень упрощал процесс съемки и просмотра. Но с другой стороны, у нас не было причин отвлекаться. Сейчас на тренировках зачастую видишь, как спортсмены прокатались, подъехали к бортику, посмотрели... На это тратится время пребывания на льду, которое надо ценить и беречь, использовать по максимуму.

– Ваши видеоархивы сохранились?

– Дома есть, но их даже трогать страшно. Столько времени прошло. Алексей Николаевич Мишин (в то время мы все занимались съемками) перенал свои архивы в «цифру» и подарил мне один из дисков, на котором запечатлены мы с Милой Пахомовой.

– Глядя на вас, не покидает ощущение, что в календаре что-то напутано с датами. Рядом с молодыми спортсменами остаешься молодым?

– Не знаю, как расценить эти слова, если как комплимент, спасибо. Но я-то замечаю несколько иное, когда каждое утро смотрю на себя в зеркало. Мне более заметны изменения, но для мужчины это, наверное, не так уж важно. Я не открою секрета, если скажу, что с возрастом время летит, и чем дальше, тем быстрее. Казалось бы, только праздновали Новый год, а уже лето. Лето заканчивается, скоро Новый год... Но дело даже не в этом. Возраст определяется не датами в календаре, возраст – это внутреннее состояние. И в душе мы все равно ощущаем себя 25-летними, 30-летними, только возможности уже другие. Вот это иногда ставит в тупик и вызывает вопросы: как с этим справиться и как преодолеть? Хочется быть активным, как тогда, в юности, но это не всегда удается. А в душе ничего не меняется. И в настроении тоже...

Когда тебе 50, то кажется, что это середина, впереди еще достаточно много времени, чтобы реализовать свои планы. 60 – определенный рубеж, но все равно сохраняется оптимизм, что еще есть время, продолжать реализовывать намеченное. А вот когда доходишь до 70, планы остаются, но, скажу откровенно, юбилей не особо хочется отмечать. Во всяком случае, у меня нет такого желания. К этому возрасту знаю о себе уже достаточно много, поэтому публичная оценка и высказывания в адрес юбиляра, открытием не станут. Главное – не потерять ощущения, которые испытывал в молодости, когда имелись иные физические возможности, сохранять оптимизм и продолжать реализовывать то, что составляет смысл жизни.

– В вашей биографии был момент, когда вы могли бы и не стать фигуристом.

– Меня просто выгнали из группы. – Почему?

– В то время у нас не было катков с искусственным льдом (если не считать «пятючок» в Марьиной Роще и питерский каток, устроенный в церкви). Фигуристы выходили на лед только в середине ноября, и набор в спортивную школу осуществлялся в два приема. Сначала детишки тре-

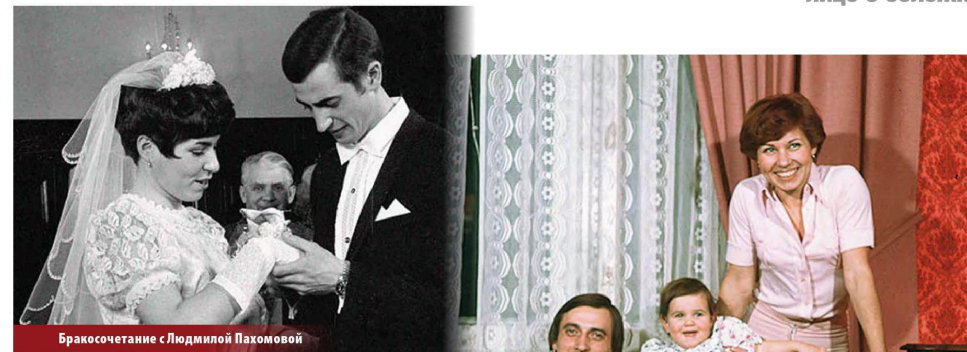
нировались в зале, поскольку эти тренировки были «всепогодные», а с первыми морозами пробовали что-то такое показать на льду.

Когда мама привела меня в фигурное катание, то мы тоже сначала занимались хореографией, немного общефизической подготовкой. А в ноябре было объявлено, что предстоит второй этап отбора, где нужно показать катание на льду. Кататься я не умел. Вообще. Мне было 6 лет. Это сейчас в 6 лет начинают прыгать, а тогда в фигурное катание брали с семи. Мне недоставало двух месяцев до нужного возраста, но меня приняли. Перед самым важным днем мама купила мне ботинки с коньками. В день просмотра я их надел. Во дворе нашего дома была замерзшая лужа, где смог постоять. На этом, собственно, и закончилась моя «ледовая подготовка». Я понимал, что шансов у меня немного, и скорее всего, не пройду. Но пока мама шуровала мне ботинки, в раздевалке я услышала разговор родителей, что неважно, умеет ли ребенок стоять на коньках или нет, главное – настойчивость и упорство: упал, встал, упал, встал... Вышел я на лед и проделал все это как надо – в основном падал и вставал, падал и вставал, после чего меня... отсеяли. Вывесили списки, где моей фамилии уже не было.

Мама моя сильно расстроилась, я был тоже в растерянности, думал, может, что сделал не так? Не нужно было так много падать? Но мама так просто сдаваться не хотела. Уж не знаю, кто ей посоветовал, но, спустя недели две, она снова привела меня на каток и сказала: «Саш, если тренер спросит, почему тебя не было? Скажи: болел». Я вышел на лед, тренер, естественно, задал вопрос, почему не приходил? Я что-то пробурчал под нос – болел. Мой ответ его удовлетворил.

Кстати, две недели, что я пропустил, мы с мамой не теряли даром. Она водила меня на каток в парке возле театра Советской Армии, где я сам чему-то научился, во всяком случае, на льду уже стоял...

С одной стороны, можно, конечно, рассуждать, честно мы поступили или нет. Но с другой, не так давно мы с супругой были на дне рождения актера и режиссера Бориса Токарева, с которым нас связывает давняя дружба, и речь зашла о том, что в жизни каждого человека случаются



Бракосочетание с Людмилой Пахомовой



С женой и дочерью Юлей

переломные моменты, которые во многом определяют дальнейшую судьбу. Смирись я тогда, скажи маме – не хочу, не буду, и все обернулось бы совсем иначе. Из ничего – ничего не получается.

– Наверное, много было таких моментов?

– Вторым принципиальным моментом стал мой переход в танцы. До этого я занимался одиночным катанием, потом два года парным, но характерами с партнершей не сошлись, и я подумывал о том, что надо бросить фигурное катание. Но тут мой друг Сергей Широков занялся танцами на льду и однажды попросил меня прийти к ним на каток, посмотреть со стороны, высказать свое мнение. Я честно признался, что ничего не понимаю в танцах, но взял коньки, пришел...

Как ни странно, с этого момента я начал регулярно тренироваться самостоятельно, тогда я уже учился в институте физкультуры. И вот мой тренер в парном катании Ирина Никифорова как-то спросила: «Слушай, Саш, у тебя неплохо получается. Может, займешься танцами? В ЦСКА у Жука тренируется пара Пахомова – Рыжкин. К ним в группу из Питера приехала девочка Ира Нечкина, которая фанатично влюблена в танцы. Ей ищут партнера. Съезди, попробуй. Попытка – не пытка».

Был назначен день, я поехал в ЦСКА на метро. Жили мы тогда на «Лермонтовской», сейчас это «Красные ворота». Надо было сделать пересадку на «Площади Революции», а там длинный переход, метров двести. Я очень переживал, а вдруг мне скажут: «Куда ты? Ничего не умеешь!» Как-то привык, что у меня не складывалось... С такими мыслями дошел до середины перехода и повернул назад... Прошел метров

десять, продолжая размышлять: «А что я скажу Никифоровой? Да и дома знают, что я поехал в ЦСКА. Как буду объяснять? Скажу, испугался? Ладно, будь, что будет». Развернулся и поехал.

Перед выходом на лед был очень взволнован, но мы встали в пару, и меня одобрили! Так, я начал тренироваться с Нечкиной, а Пахомова и Рыжкин нам помогли. Часто я катался с Милой, которая показывала какие-то элементы, Рыжкин с Ирой – внешне она была очень привлекательной...

Так вот, возвращаясь к теме поворотов судьбы: поверни я в том переходе назад, и неизвестно, что бы было...

А дальше события развивались так. В то время основу группы Станислава Жука составляли спортивная пара Татьяна Жук – Александр Горелик, танцоры Людмила Пахомова – Виктор Рыжкин и несколько одиночников. Фигуристы уехали на чемпионат Европы, после чего остались за рубежом готовиться к чемпионату мира. И так как группа Жука отсутствовала, то мы с Нечкиной больше не могли тренироваться в ледовом дворце. Что делать? В ЦСКА был большой открытый каток, там мы с партнершей и стали заниматься. На плохо очищенном от снега льду, сами, без тренера...

Когда Рыжкин с Пахомовой вернулись в Москву, то Мила решила, что больше с этим партнером ка-

таться не будет. Пара распалась, Пахомова временно не тренировалась – лечила ногу в диспансере в Лужниках. После процедуры Мила стала приходить на каток «Кристалл» и помогать нам с Нечкиной. Помогала, помогала, и однажды попросила проводить ее до метро «Спортивная», а по дороге предложила встать с ней в пару. Сказала, чтобы я подумал, дала номер домашнего телефона...

– Мучились, принимая решение?

– Интуиция мне подсказывала, что-то такое может произойти. Мила ушла из ЦСКА, искала нового партнера, но то, что этим партнером стану я – вероятность была крайне мала. Так что, с одной стороны, такой поворот был возможен. Но с другой, ее предложение все-таки явилось для меня полной неожиданностью.

Дома я ничего не сказал, потому что понимал: решение должен принять сам, а если кому-то расскажу, то посыплются советы, и мне придется делать выбор под чьим-то давлением. Весь остаток дня я думал, ходил, взвешивал, а вечером дошел до ближайшей телефонной будки (дома телефона не было), позвонил и сказал, что согласен.

Безусловно, я понимал, что вступаю некрассивно в отношении Иры и всех тех людей, которые мне помогали. По сути, это выглядело предательством. Но это был еще один поворотный момент, благодаря которому моя жизнь сложилась так, как сложилась.

Конечно, я получил по полной программе от Рыжкина, который еще долго мне все это припоминал. Мила продолжала лечить ногу, я катался один. На этом же льду тренировались Нечкина и Рыжкин, который не церемонился – высказывал все, что думает обо мне. Приходилось терпеть.

– В своей книге «И вечно музыка звучит...» вы пишете: «Когда мы начали тренироваться, я тратил энергии в десять раз больше, чем Мила, и все равно отставал от нее. Я не помню, ели, спали в те первые месяцы. Только тренировался».

– Когда я согласился, то понимал уровень ответственности, ведь к тому моменту Мила была уже известной фигуристой. Я не мог ее подвести, и для меня это было принципиально важно. Мы тренировались с утра до вечера, хотя в первое время у нас не было ни тренера, ни организации, которую мы представляли, ни льда. Было только огромное желание кататься вместе. А передо мной стояла задача, как можно быстрее сгладить разницу в уровне нашей подготовки.

– Где же вы тренировались?

– Все на том же «Кристалле» в Лужниках. Просились ко всем подряд, чтобы нас пустили. Каждый день приходили на каток в 10 утра и «пахали» там до 8 вечера, с небольшим перерывом на обед в лужниковской столовой. Домой я возвращался мертвый, потому что с моей технической подготовкой тратил сил в несколько раз больше. Около месяца мы работали самостоятельно, а потом Мила рассказала о Елене Чайковской. Что есть молодой очень интересный тренер, танцами еще не занималась, но окончила ГИТИС. В то время у Чайковской тренировалась спортивная пара Тая Тарасова вместе с Жорой Проскуриным. А Мила с Тарасовой с детства были подружками. Они поговорили, Чайковская согласилась. Так создался наш союз.

– На тот момент танцы не входили еще в программу Олимпийских игр. Это не случалось?

– Тогда несколько. Ведь танцоры были полноправными участниками чемпионатов Европы и мира, и этого было более чем достаточно. Наверное, для меня ключевым моментом стал чемпионат Европы 1965 года в Москве. Я тогда занимался еще парным катанием, но балансировал на

границе того, чтобы бросить все. Как раз в январе у первокурсников института физкультуры (осенью я поступил в ЦОЛИФК) была, так называемая, лыжная подготовка, которая проходила на базе «Озеро Круглое», где мы должны были сначала тренироваться, а потом сдавать зачет – пробежать 10 км за установленное время. А я вместо этого убежал в Москву – каждый вечер садился на электричку, ехал смотреть чемпионат Европы. Там я впервые воочию увидел танцы на льду. Чемпионами тогда стали фигуристы из Чехословакии Ева и Павел Романовы. Но на меня незабываемое впечатление произвел английский дуэт Диана Таулер и Бернард Форд. Эти фигуристы были совершенно другими. Они демонстрировали не «засушенные» танцы, а совершенно новый стиль. И это тоже послужило толчком к тому, чтобы потом я занялся танцами.

– Лыжный зачет сдали?

– Весь лыжный сбор я, естественно, пропустил. И когда наступил «момент истины», то не помню, как бежал эти 10 километров. Думал, что умру на лыжне, и единственное, почему все-таки добежал, потому что знал: тот, кто не уложится в требуемое время, победит еще раз. Это было страшнее смерти. Я все-таки уложился, но потом две недели болел. У меня болело все, включая голову.

– Вместе с Еленой Анатольевной

Чайковской вы, по сути, создавали нашу школу танцев на льду, а быть первопроходцами всегда непросто.

– Честно говоря, мне тогда и в голову это не приходило. У меня были свои цели и задачи – выучить сначала азы танцев на льду и приблизиться по технике к Миле, чтобы не было очевидной разницы между нами, а затем вместе двигаться дальше.

Но то, что Елена Чайковская очень многое сделала для становления нашей отечественной школы танцев на льду – бесспорный факт. В то время мы все втроем абсолютно не стеснялись учиться. У всех. Бывая на международных соревнованиях, мы использовали любую возможность, чтобы пополнить свои знания и опыт. Тот же Бернард Форд на тренировках вставал с Милой в пару и показывал, как правильнее исполнять тот или иной элемент. Очень помогала нам английский тренер Айрис Тарагонни, проживавшая в Швейцарии, которая делилась с

нами секретами своей школы танцев на льду, а ведь англичане были родоначальниками этого вида, и для нас ее рекомендации были бесценны. После каждой тренировки мы записывали все, чтобы не забыть, ничего не упустить. В итоге эти записи превратились в многостраничные дневники.

Чтобы отблагодарить наших помощников, везли из Москвы подарки, которые сами покупали. В то время мы вообще многое делали за свои деньги. У нас, естественно, были стипендии, нам шли костюмы для выступлений, остальное – за наш счет. А ведь и на тренировках нужно было прилично выглядеть. Видеокамеру, которую мы использовали, покупал я, сам проявлял. И никому даже в голову не приходило, чтобы у кого-то денег попросить. Мы даже не знали, к кому с такой просьбой обратиться. Все было на энтузиазме, на огромном желании доказать, что мы, русские, тоже не лыком шиты. И все дальнейшие наши результаты подтвердили это.

На первом чемпионате Европы мы с Милой заняли 10-е место. Тогда я, честно признаюсь, как в обмороке катался. На чемпионате мира были 13-ми. Во время одного из обязательных танцев Мила наступила мне коньком на задник моего конька, но я устоял. Кстати, это был последний чемпионат, который проводился на открытом воздухе.

На следующий год на чемпионате Европы мы были уже 5-ми, на мире – 6-ми. Еще через год стали третьими и вторыми.

– За счет чего вы добились такого быстрого прогресса?

– Понимаете, было много зарубежных специалистов, которые поддерживали нашу пару, и было много людей, которые нас критиковали. Чайковская правильно писала, что как только мы вышли на соответствующий уровень, то стало ясно, что бороться с англичанами, у которых был непревзойденный авторитет, можно только создав что-то свое. Если бы мы пошли по пути копирования, то проиграли, да и сам прогресс шел значительно медленнее. Тот стиль, который предложила Чайковская, был спорным: кому-то он тогда нравился, кому-то нет, но все-таки большинство разделяли наши взгляды.

– Можете объяснить, что это за стиль?

– Чтобы это понять, надо знать, что было до того. Произвольные танцы тогда создавались исключительно из наборов фокстротов, падаблей, вальсов, танго... По сути, это были балльные танцы, перенесенные на лед. Чайковская предложила идти по другому пути – технической сложности с использованием народной музыки, обработанной классики... Правда, первыми это сделали Таулер – Форд, нарушив своей программой «Сиртаки» все существовавшие до этого каноны.

Естественно, подобные новшества встречали сопротивление у сторонников прежних устоев. Нам говорили, что мы уводим танцы не туда, что нарушаем правила и тому подобное. Даже после чемпионата мира 1970 года, где мы впервые с большим трудом и напряжением завоевали золотые медали, председатель технического комитета по танцам ИСУ Лоурен Деми собрал совещание, где раскритиковал нашу программу, сказав, что мы использовали слишком много технически сложных элементов. Однако последующее развитие вида расставило все по местам. И если в наших танцах были только зачатки сюжетности, то эту линию продолжили, развили и раскрыли Ирина Моисеева и Андрей Миненков вместе с Татьяной Тарасовой.

– Когда вы узнали, что танцы включены в программу Олимпийских игр?

– За год до Олимпиады, на чемпионате Европы 1975 года. Хотя еще в 1968-м нас с Милой в числе десяти лучших танцевальных пар мира пригласили в Гренобль (там в это время проходили X зимние Олимпийские игры) для демонстрации членам МОК нашего вида. С того момента прошло 8 лет, и, несмотря на многочисленные разговоры, никто толком не знал, когда танцы на льду появятся в программе Игр.

– Уверена, что победа на Олимпийских играх стала невероятным для вас событием.

– Как всегда в жизни просто ничего не бывает, с неба ничего не падает и чего-то очень большого можно заслужить только серьезными жертвами. Так получилось и у нас. Когда в 1975 году на чемпионате Европы мы узнали, что танцы включены в программу Олимпийских игр, то в день возвращения домой со мной произошла неприятная история. Я загремел в больницу, где меня прооперировали.



С супругой Ириной

ли. Постфактум можно признаться, что отчасти виноват я сам. Но это в моем характере. Приблизительно я догадывался, что происходит со мной, но надеялся, что как-нибудь обойдется. Уж очень не хотелось верить, что придется терять время на лечение, когда до такого важного

теперь чемпионата мира остается не многим более месяца. В итоге пришлось меня спасать. Потерял два с половиной литра крови. Три дня не могли поставить правильный диагноз. Правда, если бы я рассказал все, как есть, думаю, что его поставили бы раньше.



Олимпийская медаль. Инсбрук. 1976 г.

– Знаю, вы не любите об этом вспоминать. Но, может быть, расскажете.

– Все произошло, когда мы выезжали из гостиницы в аэропорт. Почувствовал резкую боль под левой лопаткой. Чайковская тогда очень верила в мумии, считала его панацеей от всех болезней. Она заставила меня съесть кусочек, и я до сих пор верю, что он мне помог. Рейс из Копенгагена был не прямой, с пересадкой в Хельсинки, и когда уже вечером мы подлетали к Москве, то я неудачно повернулся в кресле и почувствовал резкую и очень сильную боль. По дороге из аэропорта я не мог даже сидеть в автобусе, стоял,

держался за поручни, балансируя на ногах, чтобы амортизировать неровности асфальта. Каждый толчок вызывал очень болезненные ощущения.

Врач команды сказала, что, скорее всего, это межреберная невралгия от переохлаждения. Накануне мы с Милой по просьбе представителей нашего торгпредства участвовали в съездах на катке, на бортах которого была реклама «Столичной» водки. Коток был холодный, мы только в костюмах, съемка продолжалась довольно долго, поэтому и сложилось впечатление, что меня продуло. Врач посоветовала принять горячую ванну. Но когда дома я залез в горячую воду, то через пять минут понял, что

теряю сознание. Выбрался потихоньку, не знаю, как доковылял до кровати и отключился...

Последующие три дня прошли как в тумане. Приезжали разные люди. Смотрели, недоумевали... Попытались лечить мою «невралгию» змеиной мазью, не помогло. Сделали кардиограмму и очень удивились результатам – до того она вышла фиговой. Но на второй день моих «приключений» я уже ходил!

Еще через день с утра мы поехали во врачебно-спортивный диспансер в Лужники, где, наконец, сделали снимок легких. Тут у всех волосы встали дыбом. Левое легкое сжалось больше чем наполовину...

Еще до этого Чайковская договорилась о консультации с кардиологом, профессором Абрамом Львовичем Сыркиным в Первом медицинском институте на Пироговке. И после осмотра врач произнес фразу, ставшую афоризмом: «Молодой человек, было бы очень смешно, если бы не было так грустно. Вас студентам надо показывать!»

Он рекомендовал срочно взять меня в больницу МПС, где была лучшая пульмонология. Так как эта больница была ведомственная, то Чайковская тут же набрала номер своей подруги – дочери министра путей сообщения Людмиле Бещевой. Та буквально сразу перезвонила и сказала: «Езжайте».

Не стану описывать, что происходило в больнице потом. Всю ночь врачи мучили меня разными процедурами – то кровь переливали, то еще что-то, а утром пришли Мила и Чайковская, а вместе с ними небольшого роста мужчина. Тогда я еще не знал, что это профессор Михаил Израилевич Перельман – лучший в стране хирург-пульмонолог. «Значит так, – начал он без предисловий, – вам нужно срочно делать операцию». Я возмутился, какая операция, у меня через месяц чемпионат мира.

«Молодой человек, – продолжил он. – Времени у меня нет. Впереди еще три операции. Если хотите жить, я бы на вашем месте согласился. Даю на размышления 15 минут». И ушел. Мила и Чайковская при этом разговоре не присутствовали. Когда закрылась дверь за Перельманом, и девушки вошли, то я сразу начал жаловаться на профессора. Но по очень бледным лицам вдруг понял, что-то здесь не так. Тогда я осторожно

спросил: «А без операции нельзя?» «Надо делать», – ответили они...

Тут же, без всякой подготовки меня на операционный стол. Помню, там висели часы, и я подумал, сколько продержусь... А дальше – ничего не помню. Операция длилась 6 часов...

Перельман спас мне жизнь. Вот так началась моя подготовка к долгожданному Олимпийским играм.

– А дальше?

– А дальше была интересная другая история. На третий день после операции я попросил перевести меня из реанимации в нормальную палату. На второй день после этого встал, попытался присесть, встать, чтобы понять, в какой нахожусь кондиции. Каждый день я начал что-то делать. Утром вставал и потихоньку занимался. А вот по ночам спать было сложно, поэтому вечером я отправлялся к дежурному доктору, мы общались, иногда играли в шашки... В один из таких вечеров один из врачей возьмись? Какую-то зарядку сделаешь. Зачем? Скажу тебе честно: после того, что с тобой произошло, с такой потерей крови, у тебя абсолютно изменен белковый баланс, и в лучшем случае ты сможешь ходить с авоськой за кефиром. Для меня это был шок.

На следующий день, когда пришла Мила, я все пересказал. Но мои слова ее, казалось, не смущали. «Я тебе обещаю, что мы поедем на чемпионат мира», – твердо заявила она. А народ уже собирался уезжать в Колорадо-Спрингс, потому что высота 2000 метров, и сборная должна была акклиматизироваться дней 10 до старта.

Ребята из команды принесли мне в больницу банку черной икры килограмма на три. Все это надо было съесть, чтобы быстрее восстановить силы. Через несколько дней икру я уже ненавидел, полностью разделяя чувства героя фильма «Белое солнце пустыни», который говорил: «Опять икра». Еще мне делали какой-то коктейль – из натурального сала вперемежку с какао, медом и алоэ, и эту гадость тоже нужно было есть. Все это я послушно съедал, потому что не теряя надежды все-таки поехать на чемпионат мира.

– И после всего случившегося вы поехали на чемпионат мира?

– Никто бы не пустил меня туда, если бы не Перельман. После нескольких бесед со мной, он заявил, что я – ненормальный и дал добро. Из боль-

ницы я удрал через три недели после операции...

Когда мы прилетели в Колорадо-Спрингс, за день до начала чемпионата, то руководитель делегации Анна Ильинична Синилкина договорилась, чтобы нас пустили на каток спорткомплекса Воздушной академии США, где бы нас никто не видел. Попробовали произвольный танец, я доехал до половины программы и понял, что все... Здоровому человеку на такой высоте непросто выступать, а уж после операции... У меня после операции объем легких уменьшился почти в два раза...

В чемпионате мира мы не участвовали, но выступили на показательных, где исполнили наш оригинальный танец, который через два года стал обязательным танцем под названием танго «Романтика». Дальше поехали в тур по США и Канаде. И там я постепенно оклемался. Вернувшись, начали готовиться к Олимпиаде, делать олимпийскую программу, которая стала самой лучшей, нашей гордостью.

– Представляю, какие чувства вы испытали после победы на Играх.

– На пьедестале во время награждения были восторг и попытка осознать в полной мере случившееся. Но эйфория довольно быстро прошла. И в душе, как это нередко происходит, после всего пережитого появилась пустота, ведь столько сил было отдано, и цель достигнута.

– Людмила Пахомова была не только вашей партнершей, но и супругой. Как вы пережили ее трагический уход?

– В большей степени я испытал шок, когда в конце 79-го Миле был поставлен диагноз серьезного онкологического заболевания. В это очень трудно поверить, когда такое неожиданно врывается в нашу жизнь. А дальше была борьба с болезнью, которая продолжалась долгих 7 лет...

Поначалу Мила недостаточно серьезно отнеслась к произошедшему, но после одного из консилиумов нам жестко дали понять, что вопрос стоит о жизни и смерти, и надо смириться с необходимым лечением, очень тяжелым. Однако это несколько не повлияло на решение Милы продолжать работать, наоборот. И когда ее мама, и я пытались внушить, что надо думать о здоровье, Мила говорила, что ей нужна только та жизнь,

где бы она себя чувствовала полноценным человеком.

С этим она и ушла. До последнего работала. К ней в библиотеку (из которой она уже не вышла) приезжали спортсмены с видео, она давала советы, продолжала участвовать в тренировочном процессе, наговаривала книгу...

– Как вы думаете, почему дочь Юля не пошла по вашим стопам?

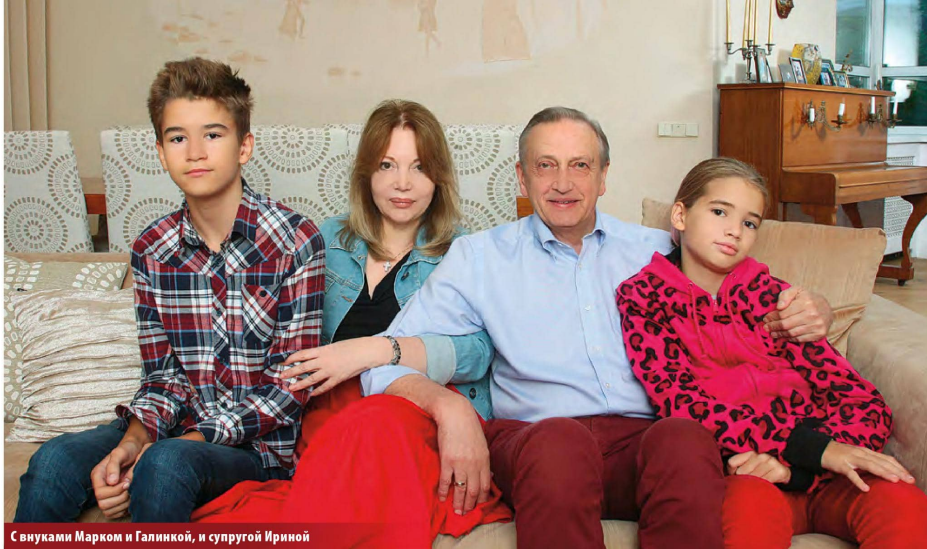
– У Юли года в три появились коньки, но занятия на льду ей не сильно нравились. Юлю больше завлаивало, когда на тренировках ученики Милы брали ее на руки и возили по катку... Это она любила больше, чем кататься самой.

Юля с детства многим увлеклась. В школе ей легко давались иностранные языки. Она отучилась год в московском хореографическом училище, занималась балльными танцами, художественной гимнастикой... Потом конной выездкой. И эта любовь к лошадям сохраняется до сих пор. Так что в жизни Юли много спорта. А то, что спорт не стал делом ее жизни, но мы на этом и не настаивали.

– Долгие годы вы работали в техническом комитете ИСУ по танцам на льду. Оборачиваясь назад, удалось ли решить те задачи, которые стояли перед организацией?

– Технический комитет – это не академия наук, не орган, где люди сидят и что-то такое без конца изобретают. Все новые идеи, главным образом, вносят тренеры и спортсмены, и задача техкома чутко улавливать эти везения, развивать, направлять и регулировать в рамках определенного вида, чтобы, скажем, танцы на льду не становились похожи на парное катание, а продолжали развиваться, сохраняя свою суть.

Я уже говорил, что в жизни каждого бывают переломные моменты, и мое избрание председателем технического комитета ИСУ по танцам на льду в 1998 году совпало с началом перестройки в этом виде. По сути, нашему техническому комитету пришлось прокладывать новую дорогу, так как задача состояла в том, чтобы разработать четкие критерии судейства в танцах. После Олимпиады 1998 года первым заговорил об этом член МОК от Канады Дик Паунд, который не скрывал, что в противном случае этот вид надо выводить из олимпийской программы.



С внуками Марком и Галинкой, и супругой Ириной

Тема активно обсуждалась, и президент ИСУ Оттавио Чинкванта дал поручение нашему техническому комитету срочно разработать новые, четкие критерии оценки выступления танцевальных пар, что позволило бы сделать судейство в этом виде фигурного катания более объективным, как в одиночном или парном катании. Вот тогда впервые и появились в программах танцоров «предписанные» элементы, которые стали оцениваться по определенным критериям, а не просто по принципу: нравится – не нравится.

А четыре года спустя, после известного «двухмедального» скандала на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити в 2002-м, уже прозвучала угроза об исключении всего фигурного катания из программы Игр. И тогда ИСУ пришлось взяться за реформирование уже всей системы судейства, во всех четырех видах. К тому времени наш техком по танцам имел свои наработки и предложения, которые внедрялись на протяжении предыдущего четырехлетия.

Но надо признать, что танцы на льду – специфический вид фигурного катания, и в этой связи на первых порах новая система судейства негативно сказалась на программах. Они стали выглядеть набором элементов, потеряли свою танцевальную суть. В течение следующих лет мы пытались найти компромисс и сгладить это негативное влияние, чтобы вернуть танцам на льду их душу. Этот процесс продолжается по сей день. И прогресс очевиден. То,

что мы наблюдаем на соревнованиях и чемпионатах последних лет, свидетельствует о том, что уже многие спортсмены и их тренеры успешно решают эту проблему.

– Вы являетесь главным тренером сборной страны, каков основной принцип вашей работы?

– Не знаю, прав я или нет, но всегда считал, что главному тренеру нужно не руководить, а помогать. Доверять специалистам, их опыту, стремлению совершенствовать творческий процесс и относиться к этому с уважением. Так что основной принцип я бы сформулировал так: не руководить опытными специалистами, а пытаться помочь им в реализации своих задач, создавая при этом равноценную здоровую конкуренцию для всех.

– На протяжении ряда лет вы возглавляете ФФККР. Вас называют либералом, миротворцем, поскольку умеете со всеми наладить контакт. Многие принимают это за слабость, вероятно потому, что не имеют представления о понятии «интеллигентность». Что вы думаете по этому поводу?

– Отвечая на предыдущий вопрос, я уже сказал, что задача руководителя – не раздавать указания, хотя время от времени приходится это делать, а, главное, помогать. Весь мой опыт показывает, что руководитель должен создать такую атмосферу, которая бы мотивировала весь коллектив работать как одна команда. Я убежден, что результат, достигну-

тый на Играх в Сочи, был обусловлен тем, что нам как раз удалось создать такую обстановку. Я очень далек от того, чтобы приписывать себе все заслуги. У нас была дружная команда, делавшая все возможное, а порой и невозможное для достижения главной цели. Была ответственность за Олимпийские игры, которые должны пройти в нашей стране, и все были проникнуты пониманием этого. И то, что нам удалось за четыре года между Ванкувером и Сочи, явилось итогом слаженной и самоотверженной (без всякого пафоса) работы всей нашей Федерации, наших спортсменов, наших тренеров.

– Можете ли вы назвать себя счастливым человеком?

– Никто не определял категории счастья, и у каждого понятие на этот счет свое. Мне повезло, что вся моя жизнь, начиная с 6 лет, и по сей день, связана с делом, которое я очень, очень люблю. Повезло с людьми, которые меня окружали и окружают.

Как и у всех в жизни, бывали разные этапы, трудности, трагедии, но все это и есть наша жизнь. Я часто корю себя, анализируя какие-то шаги, отношу себя к числу самодедов, не потому что не уверен в себе, а принадлежу к той категории людей, которые редко принимают решения на эмоциях, о которых потом приходится жалеть, хотя такое тоже бывает, как у всех в определенных ситуациях. Но мне повезло. И с делом, и с людьми, и с коллегами, а главное – с моими близкими. Так что результатами на данный момент я доволен. ●



С дочерью Юлией Пахомовой-Горшковой